

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ГЕРАСИМОВ

21 июля 1970 г. крупнейшие радиостанции мира сообщили о кончине на 63-м году жизни всемирно известного ученого Советского Союза — доктора исторических наук, лауреата Государственной премии, заслуженного деятеля науки Михаила Михайловича Герасимова. В некрологах, переданных главными радиовещательными корпорациями Англии, США и других стран подробно рассказывалось о М. М. Герасимове как об авторе широко известного метода пластической реконструкции и вскользь упоминалось о его археологических работах.

Заслуги М. М. Герасимова в разработке метода реконструкции лица по черепу поистине общеизвестны. Разносторонние таланты, глубокий интерес к анатомии человека, видимо унаследованный им еще от отца, врача Михаила Петровича, позволили ему впервые в мировой науке разработать метод точной портретной реконструкции по черепу. Метод пластической реконструкции М. М. Герасимова давно уже стал достоянием не только ученых, но и практиков. «В 1939 году в лесу под Ленинградом в пустынной местности были найдены разрозненные кости скелета человека... Кроме костей, не нашли ничего, что могло бы помочь опознать погибшего... Спустя некоторое время нашли череп со следами сильного удара каким-то оружием. Значит, человека убили. Кто он был, выяснить не могли. Тогда череп передали М. М. Герасимову. Он прежде всего установил, что убитый был мальчиком 12 — 13 лет. М. М. Герасимов воспроизвел голову мальчика. В это время удалось узнать, что полгода назад, в деревне, недалеко от места, где были найдены кости, пропал мальчик... Отцу показали тридцать семь фотографий разных мальчиков, среди которых было и семь фотографий с восстановленной М. М. Герасимовым головы. Он сразу же узнал своего сына, отобрав эти семь фотографий...» Это не цитата из детективной повести (хотя и во многие детективы попало имя М. М. Герасимова), а описание контрольного опыта, взятое из книги Лянунова «Из глубины веков» о М. М. Герасимове.

Многими контрольными опытами подтверждена достоверность и точность реконструкций М. М. Герасимова. Более четверти века он трудился над разработкой этого метода. Целая галерея скульптурных портретов занимает всю стену в квартире М. М. Герасимова и большой стеллаж в созданной им лаборатории пластической реконструкции на Цветном бульваре. Эта скульптурная галерея дает нам возможность представить себе наглядно человека эпохи неолита, энеолита и раннего металла, образы исторических деятелей — Ярослава Мудрого, Андрея Боголюбского, царя Федора, Ивана Грозного, адмирала Ушакова, Тимура, Шахруха, Улугбека, Мираншаха, поэта Рудаки и многих других. Эти скульптурные портреты украсили музеи десятков городов нашей страны.

По просьбе правительства ГДР М. М. Герасимов восстановил облик Фридриха Шиллера. На Международном конгрессе Ассоциации по изучению четвертичного периода (ИНКВА) в 1969 г. в Париже демонстрировалась выставка скульптурных реконструкций, выполненных М. М. Герасимовым, которая привлекла внимание парижан и членов Конгресса и получила самые положительные отзывы. Эта выставка была принесена в дар Музею Человека в Париже. Благодаря М. М. Герасимову мы имеем возможность познакомиться с портретами наших далеких предков. Около 40 портретов людей палеолита и мезолита — питекантропов, синантропов,

неандертальцев, кромайонцев, негроидов и монголоидов помещено в его книге «Люди каменного века».

Отлично иллюстрированная самим М. М. Герасимовым книга «Люди каменного века» не только монография по проблемам антропогенеза и альбом удивительно достоверных портретов первобытных людей; это и археологическая монография, обобщающая важнейшие результаты многолетнего опыта исследователя. Кратко по форме и очень емко по содержанию здесь дана характеристика основных археологических культур палеолита мира и приведены сводные таблицы их инвентаря. В книге приведены исчерпывающие данные о геологических условиях и стратиграфии ведущих палеолитических памятников.

Такой высококвалифицированный слав археологии, антропологии и геологии и представляли знания М. М. Герасимова. Во всех этих трех, казалось бы, далеких друг от друга науках, он был признанным, высококвалифицированным специалистом. Знания его были энциклопедичны. Творческий путь М. М. Герасимова отмечен глубоким проникновением в суть явлений, стремлением дойти до сокровенных глубин науки, овладеть в совершенстве всей существующей информацией по тем проблемам, которые его интересовали.

Последние годы М. М. Герасимов работал над продолжением альбома портретов, готовил книгу о людях неолита и бронзы. За несколько месяцев до смерти он закончил реконструкцию облика неолитического человека из стоянки Давлекановской на Южном Урале.

Ученики М. М. Герасимова работают не только в нашей стране, но и за рубежом. Метод пластической реконструкции получил высокую оценку в мировой науке. И все же можно сказать, что пластические реконструкции не были главной целью его жизни. Вспоминается в связи с этим разговор с М. М. Герасимовым в 1964 г. На вопрос, считает ли он себя скульптором, М. М. Герасимов ответил: «Нет, я не скульптор, я археолог».

Именно археология была главным делом его жизни. Свою археологическую деятельность М. М. Герасимов начал пятнадцатилетним подростком, работая с 1922 г. под руководством Б. Э. Петри в Сибири. Тогда же и определилось на всю жизнь место его основных археологических исследований — Сибирь, Приангарье. И несмотря на то что в 1932 г. он возвращается в Ленинград, а потом с 1944 г. поселяется в Москве, он нигде не забывает Сибирь и почти все годы продолжает там раскопки. Кто из специалистов по каменному веку не знает таких памятников, как Переселенческий пункт, Мальта, Усть-Белая? Эти и многие другие, открытые и исследованные М. М. Герасимовым, памятники вошли в золотой фонд мировой археологической науки.

Мальта — самое раннее верхнепалеолитическое поселение Сибири. Здесь, на окраине одноименного села, на высоком берегу р. Белой (приток Ангары) М. М. Герасимов в 1928 г. начал раскопки и продолжал их с перерывами почти 30 лет — до 1957 г. Уже материалы первых лет (1928—1932 гг.) позволили известному специалисту по первобытному обществу П. П. Ефименко оценить Мальту как памятник, который может быть поставлен «по своему значению в один уровень с наиболее известными европейскими памятниками верхнего палеолита». А ведь наиболее важные открытия в Мальте были сделаны после 1932 г. Достаточно вспомнить, что только в результате раскопок 1956—1957 гг. на Мальтинской стоянке обнаружено шесть отлично сохранившихся палеолитических жилищ. И можно прямо отметить, что многие из уникальных древностей Мальты дошли до нас только благодаря предельной тщательности и исключительной объективности М. М. Герасимова в полевой работе. Удалось обнаружить даже стружку с бивня мамонта, снятую десятки тысяч лет назад. Причем изучение М. М. Герасимовым техники обработки кости по материалам Мальтинской стоянки не только блестящее, но, пожалуй, и первое в науке исследование такого рода, которое в дальнейшем вылилось в самостоятельную отрасль археологии — трассологию.

М. М. Герасимов одним из первых в мире детально проследил и систематизировал палеолитические жилища, выделив три типа жилых сооружений. В Мальте, в отличие от распространенных в палеолите землянок, было открыто впервые наземное жилище диаметром 4,5 м. Снаружи оно было обложено массивными плитами известняка; некоторые из плит, ограждающие жилище, стояли в момент раскопок на ребре, как 25 тыс. лет тому назад. В полу жилища, почти строго в центре, выполнено очаговое углубление в виде чаши, дно которой было выстлано тонкими плитками известняка. С одной стороны очага лежали обломки расщепленного нефрита, ножевидные пластинки, костяные острия, стружки бивня мамонта — остатки работы палеолитического скульптора, а выше — изображения гадары и лебедя. С другой стороны очага сохранились бусы из бивня мамонта, подвески из кальцита, «пуговицы», орнаментированные резными зигзагами, иглы, шилья, скребки и попки. Над тонким слоем без находок лежала женская статуэтка.

В Мальте были найдены своеобразные жилища, одна сторона которых, окаймленная плитками и костями животных, была врыта в толщу отложений террасы, а вторая выходила к реке.

Среди художественных вещей имеются уникальные скульптуры одетых в меховую одежду женщин. «Одетые» статуэтки, открытые М. М. Герасимовым, — единст-

венные в своем роде среди всех других женских изображений верхнепалеолитического времени; в Европе на них имеются только отдельные элементы одежды в виде перевязей, браслетов и поясков. На мальтинских статуэтках видна шитая одежда типа мехового комбинезона шерстью наружу, плотно облегающая тело с головы до ног. Такая одежда не стесняет движений и сохраняет внутри тепло. Она оставляет открытыми только руки и лицо. Все остальное надежно скрыто под пушистым меховым покровом. В Мальте найдены и палеолитические «Венеры». Если «одетые» женские скульптурки показывают палеолитического человека вне дома, в океане снега, то обнаруженные статуэтки характеризуют его жизнь с другой, домашней стороны — внутри палеолитического жилища. По мальтинским статуэткам можно проследить лица и даже прически женщин палеолита.

Мальта дает возможность воссоздать не только общие черты хозяйства, техники и быта, но и основные стороны духовной культуры жителей Сибири того времени. Здесь была открыта первая дошедшая до нас коллекция художественно обработанной кости. Эти находки произвели в мире исследователей палеолита и палеолитического искусства огромное впечатление. Академик А. П. Окладников назвал Мальту «удивительной сокровищницей первобытного искусства, занимающей одно из первых мест в мире по богатству и разнообразию художественной резьбы по кости и мелкой скульптуры каменного века». В I томе «Истории Сибири» говорится: «Чтобы в полной мере оценить впечатление, произведенное на ученых открытиями в глубине Сибири художественными сокровищами людей ледникового времени, достаточно сказать, что Мальта и Буреть дали 20 женских статуэток — почти половину «мирового запаса» этих изделий палеолитических скульптур. Теперь стало ясно, что в Сибири того времени, на берегах Ангары и Байкала, существовал мощный очаг первоначальной художественной культуры. Культура эта находилась на том же уровне, что и одновременные центры палеолитического искусства в Западной Европе. Впечатление от новых находок, а вместе с тем и их сходство с европейскими были настолько сильными, что снова встал вопрос о происхождении палеолитического искусства, а вместе с ним и самого «разумного человека» из глубин Азии».

На полу жилищ в Мальте, в том числе непосредственно около очагов, вместе с женскими статуэтками лежали вырезанные из бивня мамонта фигурки летящих водоплавающих птиц — уток или гусей. Они поражают стереотипным единообразием формы, канонически неизменной манерой исполнения. Весь облик фигурок показывает, что птицы изображены в движении, в стремительном полете. Интересны три фигурки птиц, не похожие на остальные. Первые две изображают водоплавающих птиц — утку и гуся, третья — скорее всего, снежную куропатку. Фигурки удивительно реалистично запечатлели птиц в состоянии покоя.

На двух бляхах из бивня мамонта, служивших, очевидно, амулетами-оберегами (одна из них обнаружена в погребении на скелете младенца), имеются выгравированные изображения змей. На одной из таких блях змеиные фигуры показаны особенно отчетливо: у них волнообразно извивающиеся тела и большие, преувеличенно раздутые стилизованные головы, похожие на головы кобр в угрожающем положении.

Подлинным украшением мальтинской коллекции служат тонко выгравированное на пластинке из бивня изображение мамонта. В рисунке несколько упрощенно, но все же правдоподобно переданы своеобразный облик ископаемого мохнатого слона. Древний художник изобразил здесь все самое существенное и характерное для мамонта: грузное туловище, крупную шишковидную голову, отделенную седловидной впадиной от крутого горба над передними лопатками, и падающую в задней части, как бы обрубленную линию спины.

Большую область художественного творчества древних мальтинцев составляют украшения и орнамент. Украшения вообще занимали важное место в жизни палеолитических людей, им уделялось много внимания и времени. На головах палеолитических людей кроме пышной прически и шапок были головные обручи, похожие на царские диадемы античного мира. Такая диадема найдена на лбу младенца, погребенного под полом одного из мальтинских жилищ. Кстати, это пока единственное палеолитическое погребение в Сибири.

На шее младенца висело богатое ожерелье из узорчатых бус, вырезанных из бивня мамонта. Ожерелье заканчивалось, как драгоценным кулоном, фигуркой в виде искусно стилизованной летящей птички. Здесь же встречены и более простые украшения: диски с отверстиями, бусы-проколки из кости, украшения из зубов животных. Из зубов животных самыми популярными были клыки марала, явно привлекавшие людей каменного века своим блестящим белым цветом, и клыки хищников, которые, нужно думать, связаны были с определенными магическими представлениями.

Вместе с каменными изделиями над могилой находились остатки конструкции жилища — рога северного оленя. Сама могила представляет своеобразный и самый древний в мире дольмен. Около черепа лежали куски уже упомянутой выше диадемы-обруча из бивня мамонта. На шее великолепное, даже по современным понятиям, ожерелье, на поясище бляха с орнаментом в виде резных зигзагов — «змей», на груди — птица в стремительном полете, на правую руку у плеча был надежен браслет из бивня мамонта — подлинный шедевр косторезного палеолитического

искусства. Пoblзости — нож ориньякского типа, у ног — отлично изготовленный наконечник копья, проколка, пластинка и острие.

Мальта не только самая древняя палеолитическая стоянка Сибири. Она до сих пор остается самым изученным и богатейшим памятником палеолита Азии.

Одних работ М. М. Герасимова по Мальтийской стоянке было бы достаточно, чтобы его имя навсегда сохранилось в науке. По им не менее тщательно и детально исследованы и многие другие памятники. Только один из них — стоянка Усть-Белая послужила основой успешно защищенной одним из его учеников кандидатской диссертации.

Трудно представить какую-либо обобщающую работу по палеолиту мира без упоминания Мальты, Переселенческого пункта, Усть-Белой и других памятников, открытых М. М. Герасимовым. Однако его заслуги в археологии выходят далеко за пределы этих открытий. Большой вклад им был внесен в разработку относительной хронологии сибирского неолита. Он был участником очень многих экспедиций и стал одним из лучших знатоков первобытной археологии в нашей стране.

Вполне обоснованно можно утверждать, что в целом заслуги М. М. Герасимова-археолога не менее значительны, чем достижения М. М. Герасимова-антрополога и создателя метода пластической реконструкции. Сам этот метод, как мне представляется, был разработан им для более полного чтения археологических источников, для того чтобы служить вспомогательным средством археологических исследований.

Даже нам, современникам М. М. Герасимова, с трудом верится, что руками одного человека проделана такая громадная работа. Возможно, что недоверчивые потомки выразят еще больше сомнений в этом. Но те, кто знал близко М. М. Герасимова, имеют представление о том, насколько напряженным и действительно самоотверженным был его труд и насколько выдающимися талантами он обладал.

Говоря о М. М. Герасимове, нельзя забыть его как яркого и интересного человека, с неисчерпаемым жизнелюбием и мягким, тонким юмором. Его чуткость, доброта и отзывчивость были безграничны. Уже будучи тяжело больным, месяца за полтора до кончины, Михаил Михайлович, узнав, что в ту же больницу поступил молодой археолог, нашел в себе силы подняться на несколько этажей и навестить лично младшего коллегу. И в эти трудные минуты жизни он думал не о себе, а о том, как бы подбодрить попавшего в беду товарища. Такая скромность и самоотверженность, к сожалению, встречаются еще не так часто.

Память о человечности М. М. Герасимова, его скромности, доброте и отзывчивости сохраняют все, кому выпало счастье жить и работать рядом с ним. Советская археология понесла невозместимую утрату.

Г. Н. Магюшиц

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В тезисы моего доклада «Славяне в Поднепровье», опубликованные в Москве в 1970 г. в Сборнике докладов советской делегации на II Международном конгрессе славянской археологии, было внесено без моего ведома существенное «исправление».

Я писал: «Крушение черняховской оседлости явилось, по-видимому, результатом вторжения гуннов в конце IV в. ... После крушения черняховской оседлости потомки зарубинецких племен — днепровские славяне расширили свою территорию в южном направлении». Второе предложение было изменено следующим образом: «После того как черняховское население перешло к кочевому образу жизни...» и т. д. Сообщая, что за «новую» точку зрения на судьбу черняховцев я не несу никакой ответственности.

И. Третьяков